

Класс и нация¹

В последние годы либеральная политическая теория распространилась по континууму, простирающемуся от глобализма (Г) до коммунитаризма (К). В течение жизни большинство из нас не занимает какой-то одной позиции в этом континууме. Что заставляет нас переходить с одной позиции на другую? Почему в одни моменты времени мы склонны считать себя свободными, обособленными индивидами, гражданами мира, а в другие — имеющими глубокие корни членами сообщества судьбы? Такие переходы случайны? Или они вызваны рациональными соображениями или эмоциональными подъемами?

В этой статье предпринимается попытка рассмотрения того, как мы думаем о наших привязанностях, и осмысления того, почему иногда мы склоняемся к глобальному полюсу, отдавая предпочтение свободе перед принадлежностью, открытию экономических и политических систем перед протекционизмом, поддержке нуждающихся всего мира перед нашими соотечественниками, а иногда — к полюсу коммунитарному.

Основная мысль этой статьи заключается в том, что позиции, занимаемые индивидами относительно континуума Г-К, представляют собой не просто результат процесса взвешивания различных наборов ценностей и осознания того, что один из этих наборов обладает большей моральной ценностью, чем другой. Скорее, они являются результатом процесса рациональной рефлексии и оценки своих интересов, ведущего к принятию политики, которая отвечает интересам индивида и затем оправдывается в нормативных терминах. Но диалог между глобалистами и коммунитаристами по большей части не касается реальных причин поступков и имеет дело с оправданиями, а не с мотивами.

1. Класс, риски и возможности

Почему же должно отдаваться предпочтение глобализму перед коммунитаризмом или наоборот? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо включить определенный фактор, внеположный по отношению к перечню норм и ценностей, к которому индивиды обращаются, оправдывая свои позиции относительно континуума Г-К. Фактор, который позволяет индивидам раз-

¹ Y. Tamir. *Class and Nation* // P. Van Parijs (ed.) *Cultural Diversity versus Economic Solidarity. Proceedings of the Seventh Franqui Colloquium*. Brussels: De Boeck, 2004. P. 139–155.

мышлять о своих собственных интересах и оценивать их. Я называют этот фактор классом. Его связь с марксистскими определениями класса довольно слаба, поскольку этот класс включает многое из недавней социологической и политической критики более традиционного марксистского определения класса и его места в постиндустриальных обществах.

Используемое здесь понятие класса связано не просто с распределением средств производства или богатства, но и с оценкой рисков и возможностей. Эти риски и возможности зависят не только от экономических понятий, например дохода, заработной платы, собственности на средства производства или эксплуатации. Они отражают наличие человеческого капитала и способности использовать его для улучшения своего благосостояния или защиты себя от риска.

Согласно этому описанию, индивиды принадлежат к одному классу, если они обладают схожими возможностями и рисками, а также имеют общие надежды и опасения, которые влияют на их оценку своего социального положения. Эта оценка приводит к тому, что они начинают преследовать определенные социальные, политические и экономические цели, которые, как они полагают, увеличат их возможности и уменьшат их риски.

Следовательно, индивиды занимают разные позиции по континууму Г-К не потому, что они руководствуются различными ценностями или различными образами мысли, а потому, что они по-разному оценивают *индивидуальные совокупности рисков и возможностей*. С учетом этих оценок они «рационально» определяют образы действия, которые отвечают их интересам и позволяют справляться со своими страхами. Или, иначе говоря, позиция по континууму Г-К отражает заинтересованную оценку того, чего можно или нельзя достичь в определенные моменты жизни, а не нормы, ценности или моральное развитие.

Коммунитаристы и глобалисты, скорее всего, не согласятся с таким описанием. Коммунитаристов в нем может не устроить то, что оно исходит из личных интересов, а глобалисты могут быть недовольны тем, что человеческий капитал и социальное положение, зависящие от контекста, признаются в нем основной мотивирующей силой. Кроме того, и те, и другие могут почувствовать, что приведенное описание подрывает их основные оправдания; если различие между глобалистами и коммунитаристами обусловлено принятием не правильного набора моральных ценностей, а того, что нам лучше всего подходит, то ни одна из сторон не может притязать на моральное превосходство. Ни одна из сторон не может убедить других перейти в собственный лагерь, поскольку такой переход требует изменения не только мировоззрения, но и жизненных условий.

И все же предложенная модель способна помочь нам отследить процесс, который побуждает индивидов изменить свои пристрастия и перейти от коммунитарного полюса к глобальному и наоборот. Такой процесс наиболее очевиден во время войны. Когда все члены общества оказываются беззащитными перед экзистенциальными рисками, общество склоняется к коммунитарному полюсу. Во времена мира и процветания социальная сплоченность часто ослабляется, и индивиды склоняются в более универсалистском направлении. В таком случае, часто поднимаемый вопрос о том, почему мы

не можем оставаться такими же сплоченными в хорошие времена, как и в плохие, может иметь простой ответ — это просто противоречит нашим интересам или, по крайней мере, интересам большинства из нас.

Как связан класс с другими социальными группами? Ответ зависит от распределения образования и дохода в рассматриваемом обществе. Если такое распределение неравномерно и зависит от этнического происхождения, религии или гендера, то членство в классе будет пересекаться (или сильно коррелировать) с членством в тех группах, которые определяют социальную или образовательную судьбу. В других случаях, когда распределение человеческого капитала не связано с членством в социальных, этнических, религиозных или гендерных группах, класс будет пронизывать все эти группы.

Если социальная судьба определяется членством в этнической или религиозной группе, все остальные социальные различия отходят на второй план. Противоречий между этнической идентичностью и интересами индивида и его классом почти не возникает. Дело обстоит иначе, когда членство в группе не оказывает большого влияния на жизненные перспективы. Очевидно, что групповая идентичность усиливается в первом случае и ослабляется во втором.

Возьмем, например, еврея в Германии 1930-х годов. Его образование или опыт не имели значения. Его риски и его возможности определялись его идентичностью. Поэтому рациональным для него было принятие коммунитарного образа мысли.² Но было бы неправильно, если бы так считал член меньшинства, живущего в обществе, которое не придает значения этническому или расовому происхождению. Такое общество способствует принятию индивидами намного менее коммунитарного образа мысли.

Таблица 1

<i>Глобализм</i>	<i>Коммунитаризм</i>
Открытость	Укорененность
Изменения	Постоянство
Мобильность	Культура
Модернизация	Стабильность
Свобода	Авторитет
Универсальность	Партикулярность

Как видно из следующей таблицы, одни риски и возможности объединяют, способствуя социальной сплоченности и ослабляя классовые противоречия, а другие разделяют, толкая разные классы в разных направлениях и усиливая классовые конфликты. Может сложиться впечатление, что в результате

² Поскольку многие евреи не смогли согласиться с этим, многие из них приняли неверные личные решения.

общество отдаст предпочтение объединяющим альтернативам. Но некоторые наиболее эффективные объединяющие альтернативы бесчеловечны, например войны или стихийные бедствия. В этом случае издержки перевешивают выгоды от объединения.

Таблица 2.

<i>Риск</i>	<i>Возможность</i>	
Война, терроризм Стихийные бедствия Риски, которых невозможно избежать Социальная политика, ограничивающая риски и снижающая вероятность столкновения с ними индивидов	Блага с ненулевой суммой, которые коллективно производятся и часто коллективно потребляются. «Национальные блага». Распределение благ — равное или неравное, — которое позволяет всем участникам извлечь определенную выгоду.	Объединение
Риски, с которыми сталкиваются только отдельные члены группы, и особенно риски, которые являются результатом добровольных действий отдельных членов группы	Блага с нулевой суммой. Блага, которые невозможно разделить. Блага, которыми могут пользоваться только некоторые. Неравное распределение, от которого проигрывают только некоторые члены	Разделение

Из приведенной таблицы следует, что социальное единство может быть достигнуто либо благодаря объединяющему риску, либо благодаря объединяющим возможностям. Цена войны очевидна, цена объединяющих возможностей и благ куда менее очевидна и оплачивается только более способными членами общества, которые смогли выиграть во внутренней конкуренции за социальный статус и социальные блага. Они должны пожертвовать частью своей выгоды для сохранения социальной сплоченности. Они будут готовы приносить такую жертву, когда такая сплоченность отвечает их интересам. Таким образом, стратегии социальной сплоченности могут развиваться, если более сильные члены общества готовы платить за них. Если и когда цена становится слишком высокой, стратегия меняется. Социальная сплоченность ослабнет, и социальные противоречия смогут выйти наружу.

И ниже я рассматриваю этот процесс, подстегиваемый переходом от национальных экономик к глобальной. Его исход вызывает особое беспокойство, поскольку он ведет к распаду освобождающей и прогрессивной межклассовой коалиции, которая служила основой современного национального государства, и распространению оборонительных и регрессивных форм нацио-

нализма. В ходе этого процесса государство из локуса сотрудничества между различными классами превращается в локус конфликта. Конфликта между теми, для кого глобализм означает многообещающее будущее, а национализм — бремя прошлого, и теми, для кого национализм — это актив, а глобализм — источник страха и опасений. Поэтому в последующие годы мы будем чаще слышать о классовых конфликтах. Маркс ошибся со столетием начала классовой войны. Она, если она вообще начнется, развернется в XXI веке, и она отнюдь не помешает этнической национальной борьбе, а только ее усилит.

Конфликт между теми, кто поддерживает ослабление национальных идентичностей, и теми, кто стремится к усилению своих национальных, религиозных, культурных идентичностей, не является конфликтом между рациональными и иррациональными силами. Это конфликт между теми, кто считает, что может пользоваться выгодами от нового и открытого мирового порядка, и теми, кто боится остаться у разбитого корыта.

Национальное государство способно было удержать этот конфликт и обеспечить создание межклассовой коалиции, предлагая всем гражданам ценные блага и возможности, которые позволяли надеяться на дальнейшее расширение возможностей и сокращение рисков. Эта способность была серьезно ослаблена недавно возникшей глобальной реальностью, оставившей слабых членов общества наедине со своими страхами и сомнениями. Что могло предложить государство — в эпоху национального государства — низшим классам и почему оно больше не может предлагать этого сейчас?

Дело в том, что национальное государство обладало способностью создавать хрупкое равновесие между интересами всех классов. Способностью, которая исчезла в последние годы, поскольку разрыв в интересах различных классов стал слишком большим, чтобы его можно было преодолеть.

Данная статья написана в надежде на то, что этот баланс может быть частично восстановлен не только ради самых обездоленных членов общества, но и ради возрождения более либерального типа национализма, придающего особое значение заботе, лояльности и принадлежности, а не этноцентризму и ксенофобии.

2. Эпоха национального государства: формирование межклассовой коалиции

Тайной силой национального государства была его способность укрепления межклассовой коалиции, обеспечивавшей социальную сплоченность. Будучи, прежде всего, проектом интеллигенции (*intelligentsia*) и средних классов, национальное государство все же было достаточно осторожным, чтобы не забывать о нуждах и устремлениях рабочих классов, и давало им достаточно оснований для сотрудничества.

Ему удалось создать этот баланс интересов, предложив способ преодоления конкурентных игр с нулевой суммой, в которых блага, получаемые одним классом, не могли быть предоставлены другим, и замены их совместными играми, в которых произведенные блага могут быть разделены. Это стало возможным благодаря возрастанию ценности символических, позиционных, образовательных и экономических благ, которые производились и потреб-

лялись совместно. Такие блага, которые могут быть получены только благодаря коллективным усилиям, имеют объединяющие последствия, которые могут появиться, даже если не все получают одинаковую выгоду. Для сохранения социального сотрудничества достаточно, чтобы каждый участник получал определенную выгоду, которую он не может приобрести иным способом. Такая выгода делала сотрудничество рациональным.

Наиболее ценным благом, которое национальное государство предлагало всем гражданам, было позиционное – статус гражданина. Национальные движения, утверждает Том Нейрн, неизменно отражали «популистские взгляды и стремились ввести низшие классы в политическую жизнь. В своей наиболее типичной версии национализм принимал форму озабоченного среднего класса и интеллектуалов, пытающихся настроить и направить силы народных классов на поддержку нового государства».³ Взамен на поддержку рабочим классам позволялось войти в круги социальной власти и сообщества политически равных.

Национальные идеалы вновь и вновь использовались для того, чтобы обосновать приобщение к политической власти. Во времена Великой французской революции именно средние классы использовали идею *нации* для борьбы со старым режимом, который отказывался предоставлять политические права. В XIX веке элиты, которые желали создать для себя новые возможности, использовали национальные оправдания в своей борьбе за достижение политического освобождения. В эпоху деколонизации интеллигенция сотрудничала со средними классами в борьбе против внешних угнетателей и за обеспечение политических и экономических выгод, связанных с самоуправлением. В борьбе за политическую власть и возможности различные классы шли одним и тем же путем. И хотя конечные цели были разными, участие сулило всем без исключения значительные выгоды.

Основной революцией, связанной с идеей национального гражданства, было отделение политического членства от социального статуса и владения собственностью, сделавшее право голоса независимым от социально-экономических показателей. В предшествующие эпохи «собственность была единственным реальным источником власти, поэтому не было никакой разницы между экономической и политической властью».⁴ В эпоху национального государства членство в нации стало единственным значимым критерием для включения (и исключения). Богатство, образование, социальный статус по-прежнему играли важную роль при распределении власти, но они не могли использоваться в качестве критериев для участия в политической игре. Невозможно переоценить значение этого беспрецедентного положения вещей, особенно для тех, кто не имел богатства, образования и статуса или перспектив для приобретения таковых.

Общее национальное гражданство вызывало солидарность и облегчало превращение современного национального государства в государство всеобщего благосостояния. Государство, в котором индивиды, как экономические производители или как члены различных классов, «все еще считались

³ T. Nairn. *The Break-up of Britain*. London: NLB, 1977. P. 41.

⁴ J. M. Guéhenno. *The End of the Nation-State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. xi.

неравными вследствие рынка и внутренних иерархий. Но как существа, подверженные риску, они могли считаться равными. Полное членство в сообществе было возможно для всех граждан, причем не только как носителей гражданских прав или политических участников, но и как простых смертных, сталкивающихся с несчастьями и незащищенностью».⁵ Сказанное означает, что готовность «состоятельных» обеспечить всем гражданам некую схему защиты и некие социальные блага была реакционным шагом, призванным помочь элитам сохранить свою социальную власть. Современное государства всеобщего благосостояния, как уже было показано, должно было освободить состоятельных от страхов и удовлетворить нужды наименее удачливых членов общества.

Возможно, все обстоит именно так, но получатели обретали совокупность благ, которые были незаменимы. Благ, которые ограждали их от риска и повышали их способность справляться с несчастьями. «Обездоленным сразу же предоставлялся статус равных состоятельным, не только формально, но и в значительной мере в базовой общей защите от риска».⁶

Консервативное стремление социальной стабильности, в свою очередь, не способно было оправдать распределение, которое предлагалось современным государством всеобщего благоденствия. Великие войны, не пощадившие ни богатых, ни бедных, заставили осознать наличие общих для всех членов общества экзистенциальных рисков и способствовали переходу к эгалитарной социальной политике. «Трудности военного времени создали ощущение социальной сплоченности и единодушия, а также желание сохранить новый дух равенства в мирное время и ослабить унаследованное от прошлого классовое деление».⁷ Так, в преамбуле французского закона о социальном обеспечении, принятого сразу же после окончания Второй мировой войны (в октябре 1945 года), подчеркивается «дух братства и примирения классов, которым ознаменовалось окончание войны».⁸

Самое значительное следствие войны, по словам Бевериджа, отца-основателя английского государства всеобщего благосостояния, заключалось в том, что «цениться стал каждый здоровый человек в сообществе».⁹ Война, таким образом, установила принцип радикального равенства, когда жизнь каждого человека обладала одинаковой ценностью, и государство всеобщего благосостояния должно было перенести этот принцип в мирное время. Тот факт, что война создала ощущение общей судьбы и общей ответственности, привел к интенсивной распределительной политике, преподав рабочим классам урок, который они вряд ли забудут.

Одним из наиболее важных социальных благ было образование. Национальное государство было заинтересовано в развитии человеческого капитала своих граждан, чтобы в мирное время иметь такую же производитель-

⁵ P. Baldwin *The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State 1875–1975*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 2.

⁶ *Ibid.* P. 6.

⁷ *Ibid.* P. 24–25.

⁸ *Ibid.*

⁹ P. Rosanvallon. *The New Social Question: Rethinking the Welfare State*. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 28.

ность, что и в военное. При этом оно облегчило вхождения всех своих граждан не только в политическую сферу, но и на рынок. Современные нации, утверждает Геллнер, играли важную роль в создании и поддержании рыночных экономик, позволяя всем индивидам пользоваться связанными с ними выгодами. Национализм способствовал появлению современных экономик, отменяя местные феодальные права и торговые ограничения, наложенные страной-колонизатором, и создавая крупные политические объединения, члены которых имели общий язык и культуру.

Новизна современных экономик, добавляет Геллнер, состоит в том, что они требуют профессиональной мобильности. В традиционных аграрных обществах «каждый род занятий может создать свою особую культуру, посредством которой навыки, “секреты” и этические нормы передаются от одного поколения к другому».¹⁰ Многообразие языков не вызывает особых проблем. Они даже могут «поддерживать стабильность общества, четко указывая положение, которое должен занимать каждый его член».¹¹ С другой стороны, современным¹² индустриальным обществам свойственны частые экономические и технологические изменения, которые вызывают профессиональную и географическую мобильность. Общие язык и культура снижают издержки переподготовки, сокращают риски, связанные с профессиональной специализацией, и способствуют мобильности. Поэтому национальная политика стремилась гомогенизировать культуру и язык (придавая особое значение важности языковых навыков и грамотности), отвечающих нуждам современных индустриальных обществ. Таким образом, «национализм и мобильность рабочей силы поддерживают друг друга: существование мобильного разделения труда побуждает рациональных агентов делать инвестиции в институты национального сообщества, которое поддерживает мобильное разделение труда, и наоборот».¹³

Очевидно, что не все участники национального рынка получали одинаковую выгоду. Марксисты справедливо утверждали, что национализм был идеологией, используемой капиталистами для того, чтобы сохранить для себя национальные рынки, не впуская — при помощи протекционистских мер — иностранных капиталистов, и буржуазией в качестве инструмента классового господства — «своеобразной культурной “дымовой завесы”, призванной скрыть экономическую эксплуатацию».¹⁴ Националистическая политика действительно предоставляла средним классам особые привилегии за счет других социальных групп. И все же, несмотря на неравное распределение выгоды, члены ни одной группы не остались с пустыми руками.

Помимо всех названных, национализм имел еще одно преимущество: будучи наиболее действенной силой модернизации, он сумел связать зада-

¹⁰ U. Pagano. Can Economics Explain Nationalism? // A. Berton, G. Galeotti, P. Salmon and R. Wintrobe (Eds.) *Nationalism and Rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 177.

¹¹ *Ibid.*

¹² Слово «современный» относится здесь к концу XIX — началу XX века. До эпохи экономической глобализации.

¹³ *Ibid.* P. 180–181.

¹⁴ J. R. Llobera. *The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 96.

чу модернизации с обещаниями стабильности и преемственности. Движение в будущее считалось продолжением прошлого, а изменения и мобильность — прогулкой по старому семейному дворику. Мобилизующая идеология никогда еще не подавалась в таких спокойных и мирных тонах, приятных уху тех членов общества, которым изменения и неопределенность кажутся пугающей перспективой. То, что Маркс считал недостатком промежуточных объединений людей (этнические, национальные, религиозные группы), стоящих между человеком и человечеством и создающих формы нежелательного отчуждения, на деле было их достоинством. Национализм создавал ощущение безопасности и близости, столь необходимое в мире, переживающем стремительные перемены. Он облакал модернизацию в старую и знакомую одежду и делал ее привлекательной для тех, кого она могла испугать.

Наименее обеспеченные сочли появление национального государства выгодным. Они получили гражданские права; базовое образование, которое предоставляло языковые и профессиональные навыки, необходимые для эффективной социальной мобильности; защиту при помощи жесткой иммиграционной политики, которая ограничивала конкуренцию за рабочие места; и, наконец, социальные права, которые обеспечили приемлемый уровень жизни. «Национальность давала исключительное членство в пользовании этими благами».¹⁵ Кроме того, эта помощь основывалась на правах, а не на великодушии или расположенности правящих классов. Гражданину не нужно было просить разрешения на участие в политике, получение образования или социальных выплат; он мог требовать этих благ на основании своего политического положения. Поэтому национализм мог предложить наиболее желанное благо — человеческое достоинство. Для тех, кто не имел благородного происхождения, собственности и работы, это было наиболее ценное благо.

Поэтому для членов последней группы рационально было поддержать национальный проект, несмотря на экономическую эксплуатацию. Следовательно, готовность рабочего класса принять участие в создании была вызвана не ложным сознанием, как утверждали марксисты, а рациональными соображениями.

Нельзя не признать, что Маркс прекрасно понимал природу капитализма и его стремление распространять свое господство на все более широкие рынки. И все же он не смог понять рабочих. Пролетариату, по его словам, нечего было терять, кроме своих цепей, и все же он смог получить кое-какую выгоду. Национальное государство предложило рабочим выгоды, гораздо более ценные, чем те, что могла предложить интернациональная классовая борьба. Поэтому ему и было отдано предпочтение.

К разочарованию Маркса, низшие классы приняли национализм и сделали его наиболее популярной идеологией в XX столетии. Национальная лояльность и национальная борьба возобладали над классовой солидарностью и классовой борьбой. Классовая война должна была быть отложена, по крайней мере, до следующего столетия.

¹⁵ Pagano. *Ibid.* P. 186.

Таблица 3. Эпоха национального государства

<i>Возможности высшего класса</i>	<i>Риски высшего класса</i>	<i>Возможности низшего класса</i>	<i>Риски низшего класса</i>	<i>Национальное государство</i>
Создание новых социальных, экономических и политических возможностей, основанных на создании национальных рамок	Разделение риска с остальными гражданами	Позиционные блага	Государство всеобщего благосостояния, делающее возможными общие риски	Либеральный, прогрессивный национализм
Защита от конкуренции извне	Конкуренция за власть и ресурсы внутри страны	Национальная гордость	Гражданство, зависящее от национальной принадлежности, независимо от собственности	Национальное государство создало баланс интересов всех классов, который привел к формированию межклассовой коалиции
Возможность использования национального дискурса как своеобразной культурной «дымовой завесы», призванной скрыть экономическую эксплуатацию		Статус или образование	Статус или образование	
		Политические и социальные права	Политические и социальные права	
		Человеческое достоинство	Человеческое достоинство	
		Выход на рынок, образование, языковые навыки, облегчающие мобильность	Выход на рынок, образование, языковые навыки, облегчающие мобильность	

3. Глобальная эпоха: возвращение классовой борьбы

Сохранится ли межклассовая коалиция, поддерживавшаяся структурной логикой национального государства, с появлением глобальной экономики и политики? Сегодня многие выгоды, предлагаемые национализмом национального государства, стали гораздо менее полезны.

Процесс глобализации создал дефицит демократии, ослабивший влияние граждан на решения, принимаемые глобальными, региональными или транснациональными организациями. Те, кто получил доступ к политике, приобретая статус граждан национального государства, теперь начинают осознавать, что государство постепенно уступает внешним силам (международным или региональным организациям, неправительственным организациям и транснациональным корпорациям), на которые они почти в состоянии влиять. Поэтому сегодня понятия наподобие самоуправления или независимости кажутся более непрозрачными, чем когда-либо прежде. Граждане «все меньше образуют общность, способную к выражению коллективного суверенитета; они — простые подданные, носители прав и обязанностей в абстрактном пространстве, территориальные границы которого становятся все менее определенными».¹⁶

¹⁶ Guehenno. *Ibid.* P. xii.

Эрозия национального гражданства влияет не только на политическое положение индивидов, но и на их экономический статус. Распределение ресурсов на основании простого членства, характерное для национально-го государства, сменяется новым распределением, основанным на навыках и качествах. Никогда компетентность не пользовалась таким спросом, как сегодня: те, кто обладает необходимыми навыками, имеют множество возможностей, а те, кто ими не обладает, чувствуют, что они остались не у дел.

Классовое деление сегодня довольно ново и связано не столько с заработной платой и эксплуатацией, сколько с человеческим капиталом, рисками и профессиональными возможностями. Традиционное марксистское определение придавало особое значение месту индивида в системе социального производства. С марксистской точки зрения, класс — это коллективное социальное выражение факта эксплуатации. Тем не менее классовое деление в постиндустриальных обществах носит иной характер. Сложность рынка в них затрудняет выявление эксплуатации, поскольку сложно проследить связь между приложением труда рабочего и стоимостью изделия. К тому же эксплуатацию больше нельзя обсуждать только с точки зрения заработной платы. Тот факт, что часть труда не принадлежит индивиду, не обязательно означает эксплуатацию. Индивиды могут получать вознаграждение за свой труд в виде социальных услуг, социальных благ и в ином виде, который не поддается количественному экономическому исчислению.¹⁷

Перемены в способах производства разрушают традиционные иерархии и формы социальной стратификации. Все меньше людей принадлежит к работникам физического труда вследствие быстрого развития новых форм занятости, связанных с управлением промышленностью и услугами. Тем не менее эрозия старых социальных структур не означает возникновения бесклассовых обществ. Индивиды классифицируют сами себя и классифицируются другими, занимая определенные места в социальной структуре, и те, кто занимает схожие места, могут образовывать класс.

К высшим классам сегодня относятся люди, обладающие мобильностью и умеющими легко приспосабливаться к меняющейся обстановке, а к низшим — люди, такой мобильностью не обладающие и приспосабливаться не умеющие. В таком случае, класс — это группа индивидов, занимающих некую социальную область, которая определяет (и влияет на) их риски и возможности, их образовательные и профессиональные перспективы, их способность двигаться вверх (или вниз). Принадлежащие к одному классу схожим образом оценивают свои возможности, сталкиваясь со схожим набором альтернатив. Поэтому они, скорее всего, будут иметь общие надежды и опасения и схожие мысли по социальным вопросам. Члены каждого класса заинтересованы одновременно в расширении и разделении своих рисков с другими и в ограничении доступа других к своим наиболее важным возможностям.

¹⁷ Например, индивиды могут настолько ценить социальную структуру, членами которой они являются — будь-то государство, этническое сообщество или нация, — что они могут добровольно трудиться для ее блага. На деле, в некоторых крайних случаях, они даже могут быть готовы пожертвовать своей жизнью ради этой цели.

В глобальной экономике мобильные и умеющие легко приспосабливаться индивиды способны избегать рисков и находить новые возможности.¹⁸ Навыки и компетентность, необходимые для мобилизации и адаптации, не зависят от какой-то особой национальной культуры. В действительности, в большинстве случаев для мобильного класса национальная культура и особенно национальный язык не имеют большого значения и могут быть даже препятствием. Если я хочу обеспечить своим детям выход на глобальный рынок, я должна научить их английскому языку, а не ивриту, и сделать так, чтобы они чувствовали себя как дома везде, где есть компьютер и доступ к Интернету, а не там, где они родились и выросли. Их соотечественниками будут другие пользователи Сети, которые смотрят *MTV*, *CNN* и сериал вроде «Друзей» или «Бeverly-хиллс 90210». Для тех, кто живет в этой глобальной сфере, национальные связи — это реликт прошлого, который может быть эмоционально значимым, но который обладает все меньшей социально-экономической ценностью.

С ослаблением национальных уз и появлением социальных возможностей, которыми могут воспользоваться лишь немногие, исчезло понятие коллективной судьбы и общих рисков, а вместе с ним и готовность разделять ресурсы и ответственность. Разделение социальной ответственности рационально для индивидов, рассчитывающих провести свою жизнь в границах одного сообщества, но оно куда менее рационально для тех, кто собирается переселиться из одного государства в другое, или при изменении границ самого сообщества.

Логика государства всеобщего благосостояния основывается на замкнутости, которая гарантирует сохранение стабильного сообщества, делающего возможным пожизненный или, зачастую, межпоколенческий тип распределения благ. Быстрое перемещение населения разрушает моральные связи между гражданами. «Граждане имели обязательства друг перед другом. Демократические институты предоставляли средства одновременно для установления и выполнения таких обязательств». Но с какой стати граждане будут сотрудничать со своими соотечественниками, если их экономические возможности, их безопасность, их экологическое благополучие зависит от других? В мире проницаемых границ социальная стабильность больше не гарантирована, и потому «имущие» имеют меньше оснований делиться, а «неимущие» оказываются незащищенными.

В глобальную эпоху национальное государство по-прежнему предоставляет индивидам блага, но не самый желательный тип благ — приспособление к недавно возникшей политической и экономической реальности. Наиболее показательный пример — образование. Национальное образование было драгоценным камнем в короне нации. Оно предоставляло всем гражданам новые профессиональные возможности и легкую мобильность в рамках национальной экономической системы. Сегодня национальные системы образования часто кажутся устаревшими. Они создавались для обучения национальному языку,

¹⁸ Класс мобильных разнообразен. Существует огромная разница между теми, кто путешествует первым классом, чтобы занять место в международной фирме, и теми, кто теснится на палубе угольного корыта, которому не дают причалить ни в одном порту. Между мотивами и судьбой беженцев, нелегальных иммигрантов, гастарбайтеров, контрактных работников и профессионалов. Все они мобильны, хотя риски, которых они избегают, и возможности, которые они имеют, очень различны. Одни бегут от преследования, другие — от голода и крайней бедности, третьи — от риска стать бездомными, безработными или потерять часть своего дохода и статуса.

передачи национального наследия, укрепления национальной идентичности и уз солидарности среди соотечественников. Чтобы подготовить детей к жизни в глобальном мире, они должны отказаться от своих лучших достижений.

Несмотря на ослабление политического влияния гражданина, растущую нерелевантность национальных систем образования и эрозию социальных гарантий, предоставлявшихся государством всеобщего благосостояния, низшие классы по-прежнему зависят от выгод национальной солидарности. Фактически они зависят от тех плодов солидарности, которые являются бременем для мобильных классов. Мы вступаем в эпоху, когда происходит распад межклассовой коалиции, характерной для эпохи национального государства. Члены мобильных классов теперь стремятся к миру, за пределами национальных горизонтов, в котором экономические возможности и риски становятся глобальными. Члены этих классов стремятся максимизировать полезность своих навыков и образования и открыть новые места для получения прибыли, минимизировав при этом собственные риски. И в глобальном масштабе они могут заниматься этим намного более эффективно.

Элиты мира объединились: они отправляют своих детей в международные школы, а затем в университеты «Лиги плюща». Они покупают и продают товары на международной фондовой бирже, проживают в нескольких странах, уклоняясь от уплаты налогов; они катаются на лыжах в Альпах, лежат на пляжах в Гонолулу, посещают британские театры и парижские рестораны. Они стали гражданами мира.

Менее образованные и менее квалифицированные боятся остаться в глобальном рынке одни без дома, в который можно вернуться. Они опасаются, что их государства больше не смогут их защитить, они боятся ухудшения положения, эксплуатации и больше всего — утраты власти над своей собственной жизнью. Для таких индивидов открытость и изменения — это угроза, и они, скорее всего, станут ксенофобами, пытаясь найти способ укрепления своей идентичности, и будут изо всех сил держаться за свою национальную, религиозную традицию. Они желают замедлить глобализацию, воздвигнув более высокую и более непроницаемую границу, чем когда-либо прежде.

Отношение к свободной торговле со всей очевидностью иллюстрирует такие тенденции. Поразительно, что, несмотря на наличие согласия среди признанных экономистов относительно желательности свободной торговли, эта идея встречает слабый отклик в общественном мнении. Когда людей спрашивают об их взглядах на торговлю, 60 % респондентов или даже больше высказываются против нее. Сила таких представлений коррелирует с относительным экономическим статусом индивида, оцениваемым с точки зрения относительного дохода в каждой стране или с точки зрения социального статуса, оцениваемого ими самими. «Вероятность того, что индивиды, которые занимают высшее положение во внутреннем распределении дохода или считают себя принадлежащими к “высшим классам”, поддержат идею свободной торговли, значительно выше».¹⁹ И если ожидаемые антиторговые настроения и протекционизм коррелируют с высокой степенью привязанности к сообще-

¹⁹ Anna Maria Mayda and Dani Rodrik. Why Are Some People (and Countries) More Protectionist than Others? Unpublished paper. P. 29.

ству, национализмом и патриотизмом, то проторговые настроения и свободная торговля коррелируют с космополитизмом.²⁰

Такая же ситуация наблюдается и в вопросе о свободном передвижении людей. Те, кто недовольны свободной торговлей, недовольны и иммиграцией. Они недовольны тем, что национальные границы стали полностью проницаемыми для товаров и капитала и еще более проницаемой для людей, которые считаются просто дешевой рабочей силой или — в некоторых случаях — дешевым человеческим капиталом.²¹ Те, кто недовольны иммиграцией, описывают иммигрантов как захватчиков, которые вторгаются в хрупкую сферу национальной гармонии, нарушая ее единство и присваивая себе коллективные блага, на которые они не имеют никаких прав.²² Такие антииммиграционные настроения позволяют тем, кто сталкивается с социальной незащищенностью, возлагать вину за свое тяжелое положение на других, выражая при этом патриотические чувства, которые ослабляют социальное отчуждение.

Слабость и страх толкают людей на строительство баррикад, призванных держать силы модернизации и глобализации в узде. В результате возникает оборонительный национализм. В своей сильной, этнорелигиозной форме он оказывается одним из последних союзников слабых и напуганных. В прошлом национализм национального государства предлагал низшим классам статус и достоинство, образование и возможности, солидарность и благосостояние и открывал для них сильные стороны модернизации и индустриализации. Возможность предоставления таких выгод зависела от его способности создать политическую коалицию, которая, используя национальный дискурс, могла убедить более способных и богатых членов общества поделить своим богатством, возможностями и рисками с менее удачливыми. В эпоху глобализации силы, которые сплачивали такую коалицию, расходятся в разные стороны. Поэтому происходит исчезновение социальных уз, а вместе с ними и благ, которые государства могут предложить своим членам.

Более сильные члены общества занимаются поиском новых плацдармов. Они говорят на языке свободы, выступая за открытые границы, свободу пере-

²⁰ *Ibid.*

²¹ Herman E. Daly. Globalization and its Discontents // *Philosophy and Public Policy Quarterly*. Vol. 21. No. 2/3. 2001. P. 17.

²² По всей видимости, утверждает Борьяс, иммиграция вносит значительный вклад в рост неравенства доходов в Соединенных Штатах и ведет к сокращению экономических возможностей для менее квалифицированных рабочих. Тот факт, что рабочие из числа коренного населения проигрывают от иммиграции, означает, что американские фирмы выигрывают от возможности нанимать рабочих за более низкую заработную плату. Многие местные потребители также выигрывают, потому что более низкие затраты на рабочую силу означают более дешевые товары и услуги... Однако иммиграция не ведет к простому росту совокупного дохода, получаемого местными рабочими; она вызывает значительное перераспределение богатства от рабочих, которые конкурируют с иммигрантами, к работодателям и другим лицам, пользующимся услугами иммигрантов. Поэтому Дженкс завершает свой обзор недавней публикации об иммиграции замечанием о том, что иммиграция повлияла не столько на национальный продукт, сколько на распределение доходов. «При нынешней иммиграционной политике Америки выигрывают работодатели, которые используют дешевый труд, квалифицированные работники, которые платят меньше за свои гамбургеры и няnek для своих детей, и сами иммигранты, а проигрывают неквалифицированные рабочие, родившиеся в Америке». См.: Christopher Jencks. Who Should Get in? // *New York Review of Books*. 2002. November 29. P. 9.

движения и свободные рынки. Наименее обеспеченные, предоставленные сами себе, боятся языка свободы и выступают против него, опираясь на консервативный дискурс и говоря, прежде всего, о ценности традиции, преемственности, культуре, принадлежности и идентичности. Таким образом, национализм и модернизация развиваются в разных направлениях, отдаляясь друг от друга. Разрыв не за горами.

Таблица 4. Глобальная эпоха

<i>Возможности высшего класса</i>	<i>Риски высшего класса</i>	<i>Возможности низшего класса</i>	<i>Риски низшего класса</i>	<i>Глобализация</i>
Государство больше не может обеспечивать такие возможности, которые индивиды считают для себя безопасными	Государство больше не способно обеспечить быструю защиту	Дефицит демократии Системы национального образования менее полезны	Логика государства всеобщего благосостояния покоилась на замкнутости Межпоколенческое сотрудничество	Государство больше не способно обеспечить ту же защиту и возможности, что и в эпоху национального государства
Глобальные возможности.			Открытые, проницаемые границы разрушают логику государства всеобщего благосостояния и ослабляют его способность разделять риски	Распад межклассовой коалиции и появление оборонительного, агрессивного национализма
Национальный язык и опыт бесполезен		Национальный язык менее полезен для приобретения профессиональных навыков или мобилизации	Низшие классы, оставленные наедине со своими рисками, ощущают опустошенность	Оборонительно-регрессивный национализм представляет угрозу для тех, кто желает подняться на волне глобальных перемен
Обязательства перед нацией оказываются бременем			Возникает оборонительный национализм. В своей сильной, этнорелигиозной форме он является одним из последних союзников слабых и напуганных. В прошлом национализм национального государства предлагал низшим классам статус и достоинство, образование и возможности, солидар-	Для них национализм — это всего лишь набор обременительных воспоминаний; для всех остальных он по-прежнему служит наиболее подходящим социально-экономическим выходом
Члены мобильных классов теперь ищут экономические возможности в мире, находящемся за пределами национальных горизонтов, а политические опасности глобализуются. Члены этих классов стремятся оптимизировать полезность своих навыков и образования, максимизировать свои риски и открыть				Поэтому для немобильных классов рационально стре-

<i>Возможности высшего класса</i>	<i>Риски высшего класса</i>	<i>Возможности низшего класса</i>	<i>Риски низшего класса</i>	<i>Глобализация</i>
новые места для извлечения выгоды. Они могут заниматься этим еще более эффективно в глобальном масштабе Сильные члены общества занимаются поиском новых плацдармов. Они говорят на языке свободы, выступая за открытые границы, свободу передвижения и свободные рынки			ность и благосостояние и открывал для них сильные стороны модернизации и индустриализации В эпоху глобализации силы большинства государств неспособно предложить своим гражданам эти блага Наименее обеспеченные, брошенные в одиночестве, боятся языка свободы и выступают против него, опираясь на консервативный дискурс и говоря, прежде всего, о ценности традиции, преемственности, культуре, принадлежности и идентичности	миться заставить мобильные классы принять участие в националистической игре — они пытаются добиться этого через политическое давление и довольно часто при помощи средств социального и политического насилия. Поэтому может выйти наружу классовый конфликт. Таким образом, национализм и модернизация развиваются в разных направлениях, отдаляясь друг от друга. Разрыв не за горами

4. Заключительные замечания

Оборонительно-регрессивный национализм представляет угрозу для тех, кто желает подняться на волне глобальных открытых рынков. Для них национализм — это всего лишь набор обременительных воспоминаний; для всех остальных он по-прежнему служит наиболее подходящим социально-экономическим выходом. Поэтому для немобильных классов рационально стремиться заставить мобильные классы принять участие в националистической игре — они пытаются добиться этого через политическое давление и довольно часто при помощи средств социального и политического насилия.

История государства всеобщего благосостояния показывает, что война обладала такой мобилизующей силой, которую не в состоянии заменить никакие рассуждения о социальной справедливости. Она создает общие экзистенциальные риски, обеспечивая социальную сплоченность и социальную солидарность, необходимую для создания распределительных механизмов. Поэтому слабые члены общества стремятся создать не столько конфликт как таковой, сколько его социальные последствия. Тот дух «братства и примире-

ния классов, которым ознаменовалось окончание войны». Таким образом, постоянный конфликт кажется лучшей гарантией для сохранения государства всеобщего благосостояния в XXI веке. Когда члены мобильных классов, стремясь ослабить социальные узы, пытаются игнорировать или решить конфликт, их обвиняют в отсутствии патриотизма. Классовый конфликт переводится на язык национализма.

Как уже было сказано, Маркс ошибся со столетием начала классовой борьбы. Но эта классовая борьба XXI века не будет борьбой за международную солидарность пролетариата. Она будет борьбой, в ходе которой немобильные классы будут бороться друг против друга и против своих мобильных элит. Члены средних классов, для которых глобализация представляет меньшую угрозу, скорее всего, присоединятся к немобильным, сделав их социальной силой, которую будет нельзя игнорировать.

Пролетарии всех стран никогда не соединятся. У них нет для этого реальных интересов. Поэтому национализм никуда не исчезнет. И он может превратиться из светлой идеи элит в их кошмар. Он будет соединяться с любыми идеологиями, которые поощряют замкнутость и оправдывают исключение. Ксенофобский национализм, поддерживаемый Ле Пенем, Йоргом Хайдером, Пимом Фортейном, сторонниками политики переселения в Израиле, а также сторонниками «Белой Австралии» или «Белой Калифорнии», станет более популярным. Однако национализмом движут вовсе не иррациональные силы, как полагают многие. Это рациональный национализм, которым движет собственный интерес масс, направленный на то, чтобы защитить себя от глобальной мечты, в которой нет места для них.

Можно ли избежать такого развития событий или хотя бы замедлить его? Нынешний глобальный кризис открывает возможность для изменений. Террористические нападения 11 сентября сделали членов мобильных и богатых классов в Америке и остальном мире куда более чувствительными к рискам — рискам, связанным с угрозой для жизни. Нынешний экономический кризис заставляет их осознать свою экономическую уязвимость. Это может вызвать у высших классов стремление вернуться обратно и создать новое средство ограждения от рисков, которое будет отвечать и их собственным интересам, и интересам низших классов. Если последствия событий 11 сентября будут именно такими, то они усилят национальную солидарность и отсрочат классовую борьбу. Но если различные классы продолжат идти в разных направлениях, неизбежно наступит момент конфронтации.

Перевод с английского Артема Смирнова